

Владимир Владимирович Кунин Старшина

Scan, OCR, SpellCheck, Черно́в Серге́й (з.Орел) chernov@orel.ru

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126413

*Владимир Кунин. Пилот первого класса; Старшина; Клад: Повести: АСТ, Транзиткнига; Москва;
2004*

ISBN 5-17-023043-5, 5-9577-1143-8

Аннотация

Мягкая, лиричная повесть «Старшина»... Полный озорного юмора «Клад»... Напряженный, остросюжетный «Пилот первого класса»... Повести В. Кунина – очень разные сюжетно и стилистически – и тем сильнее подчеркивающие многогранность таланта писателя.

Содержание

* * *	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владимир Кунин Старшина

* * *

Был март сорок четвертого, грязная снеговая слякоть и страшный завывающий рев подбитого танка «Т 34». Он вертелся на одном месте, на уцелевшей гусенице, разбрызгивая вокруг себя грязный снег и случайную смерть. Пулеметы его били неприцельно сквозь желтое пламя и черный дым горящего солярового масла.

Откинулся верхний люк, и из башни высунулся объятый пламенем человек. Он что-то кричал и вслепую палил из автомата вокруг себя. А потом – то ли потерял сознание от ожогов, то ли был настигнут пулей – выронил автомат и, как тряпичная кукла, повис смрадным дымным факелом на орудийной башне.

Под танком что-то грохнуло, взметнулся светлый язык огня, и танк прекратил свою нелепую пляску.

Вскинулись передние люки, и обожженный кряжистый человек стал поспешно вытягивать из танка третьего, еще живого, маленького и худенького. Маленький горел и плакал в голос, а кряжистый, пользуясь тем, что танк остановился задом к немцам, мгновенно вытащил худенького и скатился с ним в грязную снеговую лужу. Маленький горел и плакал, а кряжистый лихорадочно валял его в снегу, накрывал своим телом, пытаясь потушить на нем огонь, и когда сбил пламя с его комбинезона, потащил волоком в сторону от горящего танка.

Немцы не заметили их, потому что в ту секунду внутри танка стали рваться снаряды и взрывом сорвало башню вместе с орудием.

Кряжистый потащил маленького в неглубокую ложбинку, притаился и прижал его к себе. Это был парнишка лет семнадцати.

– Старшина... – всхлипнул парнишка, и его худенькое тельце затряслось от рыданий.

– Тихо, – приказал кряжистый и поволок парнишку по грязному снегу.

– Старшина!..

– Да тут я, вот он я! Чего блажишь?! – задыхаясь, проговорил кряжистый, продолжая тащить паренька в сторону от полыхающего танка.

Старшина остановился, подтянул к себе легкое мальчишеское тело и увидел, что паренек умер.

Старшина прижал его к себе, и в ушах у него прозвучал тоскливый, предсмертный мальчишеский крик: «Старшина!..»

* * *

Было лето сорок четвертого, было тепло и безветренно, и по госпитальному садику шатались легко раненные и выздоравливающие. Цеплялись к молоденьким санитаркам и сестричкам, которые деловито шмыгали из одного корпуса в другой. Сестры и санитарки польщенно огрызались, не стесняя себя в выборе выражений. Раненые запахивали мышинные халаты, подтягивали кальсончики с черными печатями госпиталя на самых видных местах, заламывали мудреные шляпы и пилотки, состряпанные из газет, и, стараясь скрыть смущение, ржали вослед языкастым девахам...

Длительное пребывание в госпиталях и больницах примиряет с нелепостью госпитальной одежды. Выцветшие от частых стирок халаты, бесформенные полосатые пижамы, кальсоны со штрипочками, тапочки без задников и почти обязательное газетное сооружение на

голове спустя месяц пребывания на госпитальной койке начинают носиться с откровенной долей пижонства.

Сама собой определяется «мода», и от вынужденного больничного безделья способ завязывания кальсонных тесемок, по-особому запахнутый халат, кокетливо подшитый бело-снежный подворотничок к полосатой пижаме становятся несокрушимой движущей силой, определителем характера и воли и даже вырастают в особое нравственное направление. И каким бы смешным и жалким это ни показалось со стороны, раны от этого заживают быстрее, напропалую идет флирт с младшим медперсоналом и даже ампутации переносятся менее трагично. И в этом есть прекрасная победа Духа над плотью, столь необходимая в условиях мирных больниц и военных госпиталей, где так легко начать жалеть самого себя...

... Под самым большим деревом госпитального садика врыт в землю деревянный стол с лавками. Четверо забивают «козла». Один сидит в кресле с колесами. Ног у него нет. Зато есть прекрасные ухоженные усы. У его партнера вся голова в бинтах. Только один глаз и рот смотрят на свет божий. У третьего – рука от плеча задрана и пригипсована к сложной конструкции из проволоки. Во всех госпиталях такое сооружение называлось «самолет». Его партнер по «козлу» – широкоплечий, кряжистый, с недоброй физиономией старшина, который по весне горел в танке. Старшина играет стоя, опершись коленом о скамейку.

Все четверо были давно сыгравшейся командой, никаких специальных «доминошных» слов во время игры не употребляли, при неверном ходе не было взаимных упреков, и ожесточенная борьба велась под самый что ни на есть житейский разговор.

Собственно, в разговоре участвовали только трое. Старшина играл молча.

– Протез протезу тоже рознь, – сказал «самолет» безногому.

– Эт-то верно... – Безногий сделал ход, вытащил из кармана пижамной куртки зеркальце и расчесочку и пригладил роскошные усы.

– Американцы самодвижущийся протез сделали. Скоро нам поставлять начнут, – послышалось из забинтованной головы.

– По ленд-лизу, что ли? – спросил «самолет», глянул в свои костяшки и добавил: – Мимо...

– А хрен их знает...

– Раз положено, пускай дают...

– Как же ты с бабой со своей теперь будешь? – рассмеялся «самолет». – Во насуетишься!..

Безногий сделал еще один ход, снова вынул зеркальце, с удовольствием провел расчесочкой по усам:

– Не бойсь, корешок, как-нибудь пристроюсь!

«Самолет» и забинтованный совсем развеселились, а старшина криво ухмыльнулся, стукнул костяшкой по столу и хрипловатым тенорком, с оттенком презрения сказал партнерам:

– «Рыба». Считайте бабки, чижики.

– Во гад! – удивленно сказал безногий и стал испуганно проверять свои и чужие костяшки.

Со стороны госпитального корпуса раздался женский крик:

– Старшина!.. Кацуба! Старшина Кацуба!..

Кацуба нехотя повернул голову. Кричала молоденькая сестричка со списком в руках.

– Оглох, что ли?! К замполиту!

Кацуба неторопливо снял ногу со скамейки, а сестричка закричала еще громче:

– Старший лейтенант Симаков! Лейтенант Троепольский! Капитан Васин! Старший сержант Бойко! К замполиту, живенько!.. Кацуба, тебе что, особое приглашение?..

* * *

Их было человек пятнадцать, почти все одного возраста – не старше тридцати. Кто капитан, кто лейтенант, кто сержант или старшина – не разобрать. Халаты, пижамочки, замысловатые газетные треуголки. Все на своих двоих. Ни бинтов, ни костылей. Все – вылеченные. Готовые к выписке. Днем раньше, днем позже...

У майора, заместителя начальника госпиталя по политической части, белый халат внакидочку, кулаком воздух рубит для убедительности, говорит горячо, страстно, самую малость любуясь самим собой.

Все сидят, слушают. Стоят только двое – замполит у стола, Кацуба в последнем ряду прислонился к дверному косяку.

Рядом с замполитом, тоже в халате внакидку, какой-то полковник с абсолютно невоенным лицом. Все подтягивает и подтягивает сползающий халат. Видно, не привык к такой форме одежды. Не то что замполит госпиталя. Тот в халате – словно черкес в бурке. И говорит замполит выразительно и, как ему кажется, очень доходчиво:

– Прошел самый страшный час войны!.. И народ наш преодолел трагический пик напряжения всех человеческих сил в борьбе с врагом! Не за горами победа, товарищи!.. Чем и объясняется такое замечательное и гуманное решение командования снять рядовой и сержантский состав тысяча девятьсот двадцать шестого и тысяча девятьсот двадцать седьмого годов рождения с передовой ряда фронтов. Сохранить от случайной пули, от слепого осколка... Кто из них не доучился на гражданке до семи классов средней школы – направить для дальнейшего прохождения службы в строевые части тылового расположения. Кто же имеет семь классов и больше – поедут обучаться в военные школы и училища различных родов войск! Понятно, товарищи?

Сидящий в первом ряду молодой, лысый шутовски провел по своей плечи ладонью и спросил:

– Разрешите, товарищ майор? А к нам это какое отношение имеет? Мы вроде все тут не двадцать шестого, не двадцать седьмого, а постарше... – И снова погладил лысину.

Все рассмеялись.

– Да вы что, Рубцов! – искренне возмутился замполит. – Как же вы не понимаете важности такого политического мероприятия?! Вот товарищ полковник из штаба армии специально приехал...

– Позвольте мне, товарищ майор, – сказал полковник.

Он встал из-за стола, нервно поправил сползающий халат и вдруг увидел стоящего у двери Кацубу.

– Вы почему стоите? Садитесь, пожалуйста.

Кацуба выпрямился по стойке «смирно».

– Садитесь, садитесь... Там есть свободное место, товарищи?

– Он садиться не может, – лениво сказал Рубцов. – У него сложное ранение в «мускулюс глутеус».

Все беспощадно заржали.

– Куда?! – ошарашенно спросил полковник у замполита.

Замполит наклонился и тихо пояснил полковнику, куда ранен Кацуба.

– Простите, пожалуйста, – сказал полковник Кацубе, и тот снова привалился к дверному косяку. – Товарищи! Скоро война кончится...

– Как же... – протянул кто-то.

И тогда невоенный полковник сказал вдруг с яростью:

– Война скоро кончится! Полгода... Восемь месяцев. Максимум, – год! Тем, кто родился в двадцать шестом и в двадцать седьмом, сейчас семнадцать-восемнадцать лет. И их нужно беречь! Нельзя, чтобы мальчишки погибали в окопах и умирали в госпиталях. Вы, прошедшие страшную школу войны, поедете в военные школы и училища в качестве командиров учебных взводов, старшинами курсантских рот, помощниками командиров батальонов по строевой... Мы снимаем с фронтов не только семнадцатилетних мальчишек, но и вас – опытных и обстрелянных взрослых людей, которые прекрасно знают, почему фунт лиха. И я не обещаю вам легкой тыловой жизни. Но сегодня воспитать их сможете только вы!.. Их очень нужно сберечь!

Полковник закашлялся и уж совсем не по-военному вынул платок из кармана и обтер лицо.

Кацуба вдруг увидел грязную снеговую лужу, обожженного мальчишку в слезах и услышал предсмертный захлебывающийся тоненький крик: «Старшина-а-а!..»

Потом, растягивая от злости слова, неожиданно для всех спросил у полковника:

– А как быть с теми? – Кацуба показал пальцем в землю. – Им тоже было по семнадцать...

Замполит испуганно посмотрел на полковника. А полковник еще раз обтер лицо платком и печально ответил Кацубе:

– А про тех помнить. Каждую секунду... – Подумал и добавил: – И всю свою жизнь.

– Виноват, – сказал Кацуба.

* * *

Через несколько дней Кацуба сошел с поезда в маленьком жарком среднеазиатском городке.

За железнодорожной станцией – базарчик и чайхана.

Кацуба снял двубортную офицерскую шинель (что за старшина военного времени, у которого нет офицерской шинели!), одернул кителек с одним лишь гвардейским знаком, поправил плоскую танкистскую фуражечку, перекинул через плечо вещмешок, подхватил фанерный чемоданчик и не спеша пошел вдоль торговых рядов, вглядываясь и нюхиваясь в неведомую ему доселе азиатскую еду.

Теперь, в форме, у Кацубы оказались очень широкие вислые плечи, был он кривоног, коренаст и казался старше своих двадцати шести лет. Шел, слегка прихрамывая, мягко ступая летними брезентовыми сапожками, и во всем его кряжистом обличье чувствовалась громадная физическая сила.

Не торопясь, он шел мимо базарных рядов, где продавцов было втрое больше, чем покупателей, и остановился только в конце базарчика, около безрукого инвалида в немислимых остатках военной формы, который торговал папиросами «Дукат» поштучно.

Рядом с инвалидом стояла миловидная, лет двадцати пяти, женщина и пыталась продать какие-то московско-ленинградские зимние вещи.

– Почему? – спросил Кацуба у инвалида и поставил чемоданчик у ног.

– Цена стандартная. Два рубля штука, тридцатник – пачка. У кого хошь спроси...

Невысоко пролетел самолет с приглушенно работающими двигателями. Видно, собрался садиться где-то за городом.

– Почему, говоришь?

– Два рубля штука, тридцатник – пачка...

Кацуба сдвинул свою приплюснутую фуражечку на нос и почесал в затылке.

– А любую половину? – сонно спросил он.

– Это как же? – удивился инвалид.

– Пятнадцать, – сказал Кацуба.

Женщина с зимними вещами рассмеялась.

Инвалид обиделся:

– Что, чокнулся?! Себе дороже выходит!..

По рядам шли четверо курсантов авиационной школы. Хохотали, пробовали тертую редьку из ведер, толкали друг друга и пребывали в прекраснейшем увольнительном настроении.

У одного была красная нашивочка за легкое ранение, у второго – медаль «За оборону Ленинграда», у третьего – такой же гвардейский знак, как и у Кацубы, а у четвертого, кроме значка ГТО на цепочках, не было ничего.

– Покуда с военкоматов присылали, все было тихо, мирно, – сказал инвалид, следя за приближающимися курсантами. – А как вот таких сопляков с фронта снимали да на учебу бросили, так хоть на танцплощадку не ходи...

– А ты чего, на танцплощадку ходишь? – поинтересовался Кацуба.

И женщина снова рассмеялась. И снова обиделся инвалид.

– При чем тут я?! Люди ходят. Людям тоже потанцевать охота.

Один из курсантов прошелся вдоль рядов в дурашливой лезгинке.

– Ишь, чего выкамаривают – кобели сытые... – совсем обиделся инвалид. – Девятую норму трескают. А в дни полетов – пятаю... А там и сгущенка, и белый хлеб, и масло коровье...

– Да что вы!.. – поразилась женщина. – Даже сгущенка?!

– Ну так что? – спросил Кацуба. – Отдаешь дешевле? Я пачки три возьму.

И все было бы прекрасно, если бы первому курсанту не попался под ноги чемоданчик Кацубы. Он об него споткнулся и очень оскорбился этим.

– Чей «угол»? – грозно спросил он.

Кацуба посмотрел на свой опрокинутый чемодан, оглядел сонными глазами четверых и процедил сквозь зубы:

– Что в таких случаях делают приличные люди? Поднимают чемодан, ставят его на место, просят прощения и тихо топают дальше.

– А в глаз хочешь? – коротко спросил другой курсант.

– Не связывайся, – тревожно сказал инвалид Кацубе.

– Очень я не люблю, когда незнакомые люди со мной на ты разговаривают, – пожаловался Кацуба инвалиду. Снял с плеча сидор и положил на прилавок.

У курсанта с медалью уже прыгало бешенство в глазах.

– Чемоданчик на место, – негромко сказал ему Кацуба. – И без нервов, пожалуйста...

– Ах ты ж сука! – задохнулся курсант. – Это ты мне?..

И, не выдержав напряжения, бросился на Кацубу.

Кацуба недобро усмехнулся, резко и коротко ударил курсанта в солнечное сплетение. Курсант отлетел метра на три, а трое остальных мгновенно рванулись к Кацубе.

Кацуба бил точно, расчетливо, без единого лишнего движения, и восемнадцатилетние мальчишки отлетали от него, взрывая своими телами серую азиатскую базарную пыль.

Инвалид старался перелезть через прилавок, чтобы помочь Кацубе, но тот приказал:

– Сиди торгуй, не рыпайся...

Он подхватил налетевшего на него курсанта с медалью за штаны и гимнастерку и перебросил через торговый прилавок.

– Полетай немного, авиатор. Потренируйся, – сказал ему Кацуба и ногой дал пинка в зад другому, встающему с земли.

– Патруль! Да где же патруль?! – в отчаянии закричала московско-ленинградская молодая женщина. – Господи!.. Да бегите же кто-нибудь за патрулем!..

В то время «патруль» было магическим словом.

– Полундра!.. Патруль!.. – не разобравшись, в чем дело, крикнул кто-то из курсантов, и все четверо бросились врассыпную.

Но Кацуба успел прихватить одного из них – со значком ГТО. Он просто приподнял его за ремень и разорванную гимнастерку над пыльной землей и сказал ласково:

– Не прощаются... За собой не убирают... Что за воспитание! – Аккуратно опустил курсанта на ноги и приказал: – Чемоданчик на место.

Курсант поднял чемодан и поставил его у ног Кацубы.

– Спасибо. – сказал Кацуба. – До свидания.

– Ну, погоди... – прошипел курсант и побежал вслед за приятелями.

– Хорошо, – коротко согласился Кацуба и сплюнул кровью. Кто-то из мальчишек все-таки успел достать его.

– М-да-а-а... – потрясенно произнес инвалид.

– Да как же вам не стыдно?! – вдруг заплакала молодая женщина. – Они совсем еще мальчишки! А вы их... Дурак здоровый...

Кацуба осторожно потрогал верхнюю губу, опять сплюнул кровью и удивленно сказал:

– Довольно шустрые мальчишки...

И в первый раз посмотрел на эту женщину. И она ему очень понравилась. Он перекинул сидор через плечо и спросил инвалида:

– Так почему, ты говорил, папиросочки?

Инвалид облегченно рассмеялся и лихо махнул культей:

– А-а!.. Бери по пятнадцать!..

– О! – удовлетворенно сказал Кацуба. – Это же другой разговор!

* * *

Это была военно-авиационная школа, рожденная войной. Ни традиций, ни сладких воспоминаний «старичков» о лучших днях мирного бытия здесь не существовало.

Была далекая от фронта Средняя Азия, бескрайние просторы, которые позволяли самолетам заходить на посадку и взлетать с любого направления; почти постоянные курсы ветров и крайне малое удаление от районного центра.

Все службы авиашколы размещались в длинных деревянных одноэтажных бараках на добротных каменных фундаментах. Даже штаб школы. Но два здания были сооружены капитально. Из кирпича, в три этажа каждое, с широкими лестницами и светлыми помещениями.

Чахлая, пыльная азиатская растительность на всей территории авиашколы была буйно расцвечена врытыми в землю стендами с немеркнущими изречениями из уставов и немудрящими афоризмами, прославляющими именно тот род оружия, которому служила эта школа...

Повсюду было чистенько – фундаменты побелены известкой, на спортплощадках под турниками и брусьями – свежие опилки, проходы и проезды окаймлены белыми крашеными камешками.

По одному из таких проездов пылил «виллис» начальника школы генерал-майора Лежнева. Генерал ехал с аэродрома после тренировочных полетов. На коленях у него лежали кожаный шлемофон и планшет с картой. На гимнастерке виднелась звездочка Героя.

Отдавали честь «виллису» проходившие офицеры, пробежавшие курсанты и самый различный техсостав.

Генерал кивал головой направо и налево, внимательно разглядывая свою школу.

– В штаб? – спросил пожилой шофер в комбинезоне.

Генерал самую малость помолчал и сказал:

– В первую эскадрилью. Там Хижняк личный состав собрал. Пополнение инструктирует.

– Этому пополнению еще титьку сосать, – мрачно сказал шофер.

– А им воевать пришлось, от голода пухнуть.. – то ли согласился генерал, то ли упрекнул шофера.

У барака первой эскадрильи «виллис» затормозил.

– Поезжайте обедать.

Генерал легко выпрыгнул из машины и, помахивая шлемофоном и планшетом, подошел к барaku первой эскадрильи.

Одуревший от тоски и жары дневальный вскочил с преувеличенным рвением и уже открыл рот, чтобы завопить молодцеватое «смир-р-но!», но генерал приложил палец к губам. Дневальный испуганно посмотрел на генерала и шепотом доложил:

– Товарищ генерал-майор... дневальный по эскадрилье курсант Тараскин...

Генерал махнул рукой и прошел в барак. Встал за косяком настезь открытой двери и закурил. Дневальный с откровенной завистью втянул носом дым генеральского «Казбека».

По обе стороны в казарме стояли сдвоенные ряды двухъярусных железных коек. Посредине, в широком проходе, выстроилась вся учебная эскадрилья – немногим более ста человек. Перед строем стояли шесть офицеров и Кацуба.

В этом царстве покорителей воздуха и завоевателей пятого океана Кацуба, в своей приплюснутой фуражечке с черным околышем и неуместно черных погонах с танковыми эмблемками, казался случайно заблудившимся, нелепым, невесть откуда взявшимся существом.

Курсанты на него поглядывали насмешливо, офицеры – с чувством неловкости, и только командир эскадрильи, молодой и щеголеватый капитан Хижняк, ничего такого не замечал и говорил:

– ... Кто прибыл к нам из различных воинских частей, а кто, может, успел и понюхать порошу – попрошу забыть всяческую фронттовую вольницу и тому подобные отклонения от строжайшей воинской дисциплины. А также тем, кто призван военкоматами. Кончилась ваша мирная гражданская жизнь! Тут нету мамы и папы, дяди и тети. Тут армия! И чтобы никаких таких различий – дескать, я фронтовик, а ты, дескать, салага – быть не должно!.. Все вы теперь курсанты военно-авиационной школы – будущие авиаторы, летчики! Представители самого современного и самого грозного рода оружия!

При последней фразе командира эскадрильи Кацуба скривил губы.

– А самое главное, – продолжал Хижняк, – вы обязаны помнить, что, пока в спокойных и далеких от войны условиях вы будете служить и учиться летать, там, на фронтах, насмерть дерутся ваши старшие братья, отцы и товарищи!.. И погибают за то, чтобы вы могли...

– А мы не просили, чтобы нас снимали с передовой! – вдруг прервал Хижняка чей-то голос из строя.

Кацуба повел своими маленькими сонными глазками и увидел, что выкрикнул это знакомый ему по привокзальному базарчику курсант с медалью «За оборону Ленинграда». Под глазом у курсанта красовался замечательный фингал.

– Молчать! – крикнул Хижняк. – Два шага вперед!

Курсант вышел из строя.

– Фамилия?

– Рядовой Никольский.

– Курсант Никольский, – поправил его Хижняк. – И прекратить разговорчики! Встать в строй!

Подобие улыбки тронуло лицо Кацубы. Он увидел второго знакомого, со вспухшей губой... Потом третьего... И наконец, четвертого, со значком ГТО. Кацуба удовлетворенно крикнул и стал слушать капитана.

– Эскадрилья делится на четыре звена... Командирами звеньев будут летчики-инструктора, которые после прохождения вами теоретического курса в УЛЮ, учебно-летном отделе, будут учить вас летать.

И Хижняк показал на двух младших лейтенантов, лейтенанта и старшего лейтенанта.

– Ну и я – командир эскадрильи... Это, так сказать, летно-подъемный состав. Теперь состав наземный: помощник командира отряда по строевой – майор Кулюгов. Он бывший пехотинец и знает свое дело туго. Уставы, строевая подготовка, несение нарядов и караульной службы...

Маленький, толстенный майор Кулюгов заискивающе улыбнулся курсантскому строю.

– Ну и, наконец, старшина эскадрильи! – торжественно провозгласил капитан Хижняк и четким рубленным жестом указал на Кацубу.

– Кто самый главный человек в армии? Кто ближе всех стоит к рядовому и сержантскому составу? – театрально возвысив голос, спросил комэск. – Старшина! – И поощрительно похлопал Кацубу по вислому плечу. – Ничего, что его погоны пока еще не соответствуют... Это дело поправимое! Старшина Кацуба тоже прибыл к нам с фронта. И он, как никто, должен вам стать отцом родным! Все через старшину!..

Кацуба холодно смотрел на отлупленных им четверых курсантов. Курсанты ненавидяще разглядывали Кацубу.

– За все отвечает старшина! – с пафосом продолжал Хижняк. – За внешний вид курсанта-авиатора, за дисциплину, за поведение в столовой, в казарме, в увольнении... Заправка коек, утренняя зарядка, вечерняя поверка... Это все старшина, старшина и старшина! – Хижняк улыбнулся Кацубе и спросил его бодро, как свой своего: – Ты меня хорошо понял, старшина?

И тогда Кацуба медленно и отдельно произнес:

– Я те-бя очень хорошо понял, ка-пи-тан.

Это было всеобщим потрясением. Поражены были все – и курсанты, и летно-подъемные лейтенанты, и наземный майор Кулюгов.

Совершенно ошеломлены были за дверью и генерал с дневальным.

Но больше всех растерялся командир эскадрильи капитан Хижняк.

– Товарищ старшина! Вы что, с ума сошли?!

– Никак нет, товарищ ка-пи-тан, – отчеканил Кацуба. – Я вас действительно очень хорошо понял.

Дневальный, курсант Тараскин, с ужасом смотрел на генерала. Сейчас генерал ворвется в казарму... и всех бросит в железные тиски военного трибунала!..

Но генерал испугал Тараскина еще больше, когда сказал с тихим злорадством:

– Ну теперь я за вас спокоен!.. Этот старшина даст вам под хвост! – Он легонько стукнул дневального по затылку, нахлобучил ему пилотку на нос и грозно добавил: – Неси службу как следует!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.